

12+

САРМАТЫ

Вячеслав Марченков

Ора

Вячеслав Марченко

Сарматы Ора. Цикл
«Древний мир»

«Издательские решения»

Марченков В.

Сарматы Ора. Цикл «Древний мир» / В. Марченков —
«Издательские решения»,

Книга «Сарматы Ора» вторая часть серии книг о Сарматах, расселившихся в III веке до нашей эры в степях от Тобола на востоке до Дуная на западе. По свидетельствам древних историков, сарматы «племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвовали в войне наравне с мужчинами».

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Сколот	8
Глава вторая	10
Скил	10
Глава третья	12
Раскол	12
Глава четвёртая	15
Неожиданный манёвр	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сарматы Ора

Цикл «Древний мир»

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-4540-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Долгий путь из блистательного Константинополя к ставке грозного Аттилы казался бесконечным. Приск, утомлённый дорогой, всё же не упускал возможности внимательно наблюдать за окружающим миром — и судьба подарила ему немало удивительных встреч. По дороге Приск встретил нескольких греков, некогда бывших пленниками, а ныне — свободными людьми, живущими в царстве Аттилы. Их лица светились спокойствием, в глазах читалась уверенность, несвойственная жителям Римской империи. Разговорившись с ними, Приск узнал поразительные вещи: по их словам, жизнь под властью Аттилы была куда легче, чем в пределах могучей империи. Больше всего бывшие пленники восхищались одним обстоятельством — полным отсутствием налогов. Они с жаром рассказывали, как население Римской империи страдает от вымогательств и злоупотреблений сборщиков податей: те не знали меры, выжимая последние соки из обнищавших крестьян и ремесленников. В государстве же Аттилы ничего подобного не существовало — правитель вовсе не обременял своих подданных налогами.

«Зачем ему это? — с улыбкой говорил один из греков, разливая ароматный напиток. — Казна Аттилы всегда полна: трофеи войны и щедрая византийская дань обеспечивают изобилие». Его глаза блестели неподдельной гордостью за нового повелителя, и Приск невольно задумался: возможно, в этих словах есть доля истины?

Постепенно Приск начал замечать и другие любопытные детали. Всё чаще в разговорах звучали слова, явно не гуннского происхождения. Историк задумался: возможно, помимо аланских соединений, в армии Аттилы служили и славянские отряды? Более того, славянский язык, похоже, получил широкое распространение в этом разношёрстном государстве. Воспоминание об этом особенно ярко всплыло в памяти Приска, когда византийское посольство пересекло могучий Дунай на пути к ставке Аттилы. Местные жители встретили чужеземцев с искренним гостеприимством. Они угощали греков душистым напитком, который называли «модус», — несомненно, это был славянский мёд, сохранивший своё древнее имя. Служащим посольства предлагали и другой напиток — терпкий, освежающий, сделанный из ячменя. «Сквась», — называли его хозяева. Приск сразу понял: перед ним славянский квас, знакомый ему по прежним путешествиям. Позже, изучая записи Иордана, Приск наткнулся ещё на одно славянское слово — «страва», что означало «поминки». Это наблюдение лишь укрепило его предположение о значительном влиянии славянских племён на культуру государства Аттилы.

Особое место среди союзников гуннов занимали сарматы. По мнению многих историков, они являлись одной из ветвей славянского народа — гордые всадники, внушавшие страх противнику одним своим видом. Их доспехи поражали воображение: чешуйчатая или кольчужная броня надёжно защищала тело, а длинные копья, прикреплённые цепочками к шее коня, превращались в смертоносное оружие. В момент атаки вся мощь скачущего во весь опор коня вкладывалась в удар — и пехота с её слабыми античными луками не имела ни единого шанса выстоять против такой силы. По сигналу вождя отряд сарматских всадников устремлялся вперёд, словно стальная волна. Приск живо представлял эту картину: грохот копыт, блеск копий, крики воинов — и вот уже строй противника разбит, смят, рассеян...

Первые серьёзные боевые действия начались с дерзкого нападения гуннов на римлян во время торговой ярмарки в районе современного Белграда. Поводом послужило дерзкое похищение епископом города Марг гуннских сокровищ — вероятно, из древних царских гробниц. Оскорбление было нанесено, и возмездие последовало незамедлительно. Марг пал под натиском разъярённых гуннов. За ним последовали и более крупные города на Дунае: величественный Сингидунум (нынешний Белград) и могучий Виминаций (современный сербский Костолац). Падение Виминация в 441 году открыло гуннам путь на восток вдоль Дуная — к Ратиарии (нынешнему болгарскому селу Арчар).

Но здесь завоевателей ждал неожиданный барьер — неприступный бастион Сирмий, расположенный на пересечении оживлённых торговых путей. Город словно нарочно был создан для обороны: мощные стены, глубокие рвы, бдительные стражи. От его стен открывалась прямая дорога на юг — прямо к Константинополю, и именно на этот великий город втайне нацелился Аттила. Не желая терять темп наступления, гунны с ходу бросились на штурм Сирмия. Но жители крепости оказались достойными противниками: они мужественно сдержали первый яростный натиск огромного войска, а затем с гордостью и твёрдостью отказали захватчикам в сдаче города. Несколько долгих дней длилась осада. Гунны не теряли времени даром: день и ночь они строили стенобитные машины, готовили лестницы, накапливали силы для решающего штурма. Воздух наполнился стуком молотов, криками рабочих, ржанием лошадей. Приск знал: скоро грянет битва, которая решит судьбу этого важного рубежа — и, возможно, повлияет на будущее всей Европы...

Глава первая

Сколот

Чеслав Путятич, влившись в ряды Сарматов, оказался под началом своего давнего товарища Ревуна. Тот недавно получил почётное назначение — возглавил десятку воинов охраны вождя. Это решение не стало неожиданностью для Чеслава: Ревун всегда отличался хладнокровием в бою и умением быстро принимать верные решения.

Одновременно с этим Рос по-прежнему оставался наставником молодого хана. Для Сколота это обстоятельство стало настоящим подарком судьбы. Он давно испытывал к Оре чувства, которые не мог до конца понять и уж тем более — подчинить разуму. Каждый раз, глядя на неё, он ощущал, как внутри горячая волна поднималась от груди к горлу, а руки невольно сжимались в кулаки. Сколот был готов на любые подвиги, лишь бы Ора всегда оставалась рядом — чтобы видеть её гордую осанку, слышать низкий, уверенный голос, ловить мимолётные взгляды её тёмных глаз.

Сейчас Сколот сидел верхом на рыжем скакуне, который нервно переступал с ноги на ногу, чувствуя напряжение хозяина. Мужчина неотступно следовал за ханшой, стараясь держаться на почтительном расстоянии, но не упускать её из виду ни на мгновение. Они объезжали огромное войско, выстроившееся с восточной стороны Сирмия. Ора напряжённо вглядывалась в очертания города, выискивая бреши в обороне. Её лицо, обычно спокойное и непроницаемое, сейчас было сосредоточенным: брови слегка сведены, а губы плотно сжаты. Она оценивала расположение башен, отмечала участки стены, где защитники казались менее многочисленными, прикидывала, с какой стороны лучше начать штурм.

Рос, ехавший чуть позади, с тревогой наблюдал за ходом битвы. С крепостных стен на головы, карабкавшихся на стены Герулов — воинов из первой волны наступавших Гуннов — падали тяжёлые каменные глыбы, лилась горящая чёрная смола с дёгтем. И от этого, воздух наполнился криками боли смешанным со скрежетом металла.

Время от времени рос замечал вдалеке и самого великого хана. Аттила маячил на возвышенности верхом на гнедом жеребце. Его фигура, высокая и внушительная, чётко выделялась на фоне неба. По-видимому, хан устал ждать и решил взять командование в свои руки. Как только он появился, всё вокруг зашевелилось: воины засуетились, командиры начали отдавать приказы, раздались резкие звуки рогов.

На горизонте показались стенобитные орудия. Остготы, управлявшие ими, нещадно били кнутахми невольников, тащивших тяжёлые машины в сторону крепости. Те, согнувшись под тяжестью груза, шатались, падали, но их тут же поднимали ударами и гнали дальше.

«За ними наступит и наша очередь, лишь первая брешь появится в стене...»

Всё больше возбуждаясь, подумал про себя Сколот, отчего сердце забилося чаще. Он сжал рукоять меча, чувствуя, как пот стекает по его спине.

В этот момент Ора резко выпрямилась в седле и громко, властно прокричала:

— Готовиться!

Гонцы, словно выпущенные стрелы, погнали своих лошадей в разные стороны, доводя её приказ до воинов. Ждать пришлось недолго. Как ни сопротивлялись защитники города, как ни отбивались, под тучами летевших в их сторону стрел первая дыра в стене появилась довольно быстро. Камни осыпались, обнажая неровный проём — достаточно широкий, чтобы через него смогли пробраться несколько человек одновременно.

Ора, в ту же секунду, одной рукой вынула из ножен меч — лезвие блеснуло на солнце, отражая первые лучи рассвета, — и высоко подняла его над собой. В другую руку она схватила

висевший на боку лошади экран из плетёного ивняка, обтянутый сырой невыделанной кожей. И крикнув во весь голос:

— Во славу Перуна!

Тут же погнав коня к образовавшейся в стене бреши, управляя им только коленями.

— Айять! Айять!

Послышалось со всех сторон. И Сарматы, следуя за своим вождём, направили лошадей к Сирмию. Несмотря на суматоху, царившую повсюду, дикие вопли падавших со стен людей, дым, окутавший плотной завесой поле боя, воины действовали выверено и синхронно. Одновременно пуская в осаждённый город тысячи стрел, они затем в один момент накрыли себя экранами, словно щитами.

За это время появилось ещё несколько проёмов. Группы захватчиков, оперативно разделившись, устремились внутрь крепости. Людские реки текли через проломы в стене, заполняя улицы города. Только когда большая часть Гуннов оказалась внутри, защитники дрогнули и побежали.

В это время Рос, словно привязанный, пробивался сквозь шеренги римлян на рыжем жеребце, брызгающем пеной изо рта. Конь, охваченный азартом битвы, рвался вперёд, а Рос, не отставая от Оры, рубил врагов направо и налево. Не один десяток воинов неприятеля был уже повержен им. Кровь забрызгала его правую руку, державшую меч, который разил врага, словно молнии Перуна. Бурая жидкость стекала по усам, покрывая бороду, которую он отпустил с недавнего времени. Мужчина не мог понять, чья это кровь — его собственная или убитых им ромеев. Несколько раз, заметив лучников, целившихся в ханшу, он прикрывал её собой, подставляя под удар экран. Пару раз отчётливо слышал металлический звук попавших в кольчугу наконечников, но это мало волновало Сколота в данный момент.

«Ни один волос не должен упасть с головы этой женщины!»

Думал он, стискивая зубы. Наконец, в строю неприятеля появилась паника. Римляне, спасая свои жизни, кинулись прочь от жестоких кочевников по узким улочкам Сирмия. И Сарматы, увидев это, стали ловить их арканами, связывая кучами, будто баранов.

Не осталась в стороне и Ора. Поймав нескольких ромеев, она в пылу охоты неожиданно повернула голову и, заметив на лице Чеслава полное равнодушие к происходящему, в запале прокричала:

— Рос! Почему пленных не берёшь?

На что тот, совершенно спокойно, ответил:

— Я Сколот! Мне не нужны невольники!

Глава вторая

Скил

Солнце давно уже скрылось за полоской ровного горизонта, окрасив небо в багрово-тёмные тона. В городе по-прежнему продолжались погромы и пожары: языки пламени взмывали ввысь, пожирая деревянные дома, а дым, густой и едкий, стлался над улицами, смешиваясь с пеплом и гарью. Гунны, переполненные злостью и жадной мести, в ярости носились по улицам доселе неприступной крепости, истребляя всё живое, что попадалось на их пути. Их крики, лязг оружия и рёв горящих строений сливались в ужасающий хор разрушения.

Были разграблены уже все знатные дома патрициев — мраморные колонны, украшавшие фасады, теперь валялись в пыли, а мозаичные полы были затоптаны сапогами захватчиков. Святые места, некогда почитаемые горожанами, подверглись осквернению: алтари были опрокинуты, священные реликвии — растащены или уничтожены. Дома зажиточных горожан тоже не избежали участи разграбления: сундуки с золотом и драгоценностями были вскрыты, ткани и утварь — выброшены на улицу.

Даже прядильни и кузни мастеровых победители выпотрошили до мелочей: веретёна, инструменты, запасы шерсти и металла — всё было унесено. А затем, в назидание другим, предали всё огню. Таков был приказ великого хана Аттилы — оставить после себя лишь пепелище, чтобы ни у кого больше не возникло желания противостоять его войску.

Рос, обернувшись, ещё раз посмотрел на горевший вдаль Сирмий. Пламя, охватившее город, казалось гигантским чудовищем, пожирающим дома один за другим. Он чуть шевелил губами, словно молился про себя, а затем произнёс вслух, с горечью в голосе:

— Не завидна участь городов, вставших на пути гуннов!

После чего, дёрнув поводья, вновь направил лошадь за Ревуном и Орой, ехавших впереди племени.

Многочисленная конница сарматов шумно возвращалась после ожесточённого боя к своему становищу. Воздух был наполнен звуками: ржанием лошадей, стонами пленников, криками воинов, обсуждавших добычу. Кто-то тащил за собой на арканах измученных пленников — их лица были в ссадинах и крови, а одежда изорвана. Другие гнали скот и жирных, откормленных баранов, отбившихся от стада во время хаоса. Кто-то вёл лошадей, нагруженных ценностями и добром, захваченным в городе: сундуки с монетами, расшитые ткани, оружие с инкрустацией. А кто-то тянул за собой на привязи коней, с погружёнными на них телами погибших воинов — их доспехи тускло поблёскивали в свете факелов, а плащи развевались на ветру.

Много, очень много погибло в этом бою сарматов — ряды племени заметно поредели. Это не сулило ничего хорошего вождю племени, и это понимали многие. Воины искоса поглядывали на спину скакавшей впереди ханши, их взгляды были полны упрёка и тревоги. Понимала и Ора. Не оглядываясь, она чувствовала спиной немые упрёки своих воинов, и их недовольство. Но где она сделала ошибку, не знала. В этот момент её и нагнал на вороной кобыле Скил.

Пренебрегая старыми воинскими обычаями сарматов, которые запрещали приближаться к вождю без разрешения, он поравнялся с конём Оры и первым заговорил с ней. Его лицо было искажено злобой, а глаза сверкали холодным огнём.

— Прошлый раз ты яро обвиняла меня в неслыханных потерях при взятии города, — начал он, и его голос звучал резко, почти издевательски. — Я хочу спросить тебя, Ора, как ты сейчас смотришь на то, что позади тебя везут не менее двух сотен тел наших родичей?

С ехидной улыбкой на губах, зло процедил он:

— Ты хотела власти? А ведь это непосильная ноша для твоих женских плеч. Но я не злюсь на тебя. Я всегда был добр к твоему роду. Сегодня на совете я задам тебе те же вопросы. Хочу, чтобы ты была готова ответить на них.

Ора, слушая его, по-прежнему молчала. Её пальцы крепко сжимали поводья, а взгляд был устремлён вперёд, будто она пыталась разглядеть в дымке будущее своего племени. В груди бушевала буря эмоций: гнев, обида, страх за судьбу сарматов. Но она не позволяла себе выдать слабость.

В этот момент Скил заговорил снова, его голос стал ещё более вызывающим:

— Я предлагаю тебе избежать таких унижений и добровольно отдать власть.

— Кому?

Резко прервав молчание, неожиданно спросила она. Отчего тот на время замешкался, сбитый с толку её решительностью. Ханша снова поинтересовалась, её голос звучал твёрдо, почти вызывающе:

— Ты хочешь, чтобы я при всех покаялась в своих ошибках и предложила тебе стать вождём сарматов? Ты, наверное, забыл, как на коленях выпрашивал жизнь, присягая в верности хану Дитиласу?

— Его нет с нами! — выйдя из оцепенения, прервал он речь Оры, его лицо исказилось от гнева. — А ты даже не его наследница! Я не стану подчиняться женщине!

Ханша внимательно взглянула из-под шлема на собеседника. В её глазах вспыхнул огонь, а голос зазвучал ещё жёстче, почти угрожающе:

— Я теперь понимаю, откуда у нас такие потери. Ты оставил без прикрытия левое крыло нашего войска. Чем лучники защитников крепости и воспользовались, как только мы пошли на штурм.

— Можешь думать как угодно! Я тебя предупредил!

Спокойно отозвался Скил, отъезжая в сторону. Его фигура, освещённая отблесками пламени, на мгновение застыла в воздухе, а затем растворилась среди других всадников.

Ора поняла, что с этого момента они стали непримиримыми врагами. Напряжение между ними достигло предела, и теперь любой неверный шаг мог привести к открытой вражде. Это означало, что сарматов снова ждал раскол и распад на родственные связи.

— Что ж, Перуну виднее!

Тяжело выдавила она из себя одними губами и, подстегнув коня, погнала его навстречу неизбежности. Ветер развеивал её плащ, а в сердце зрело решение: она не отступит, пока есть хоть малейший шанс сохранить единство сарматов.

Глава третья

Раскол

Лишь благодаря мудрым увещаниям старых Волхвов удалось предотвратить братоубийственную резню среди воинов в день совета у старейшин. Напряжённость витала в воздухе: взгляды метались от одного вождя к другому, руки невольно тянулись к оружию, а гневные выкрики то и дело прорывались сквозь попытки сохранить хотя бы видимость порядка. Но Волхвы, опираясь на свой непререкаемый авторитет и древние традиции, сумели остудить пыл разгорячённых воинов.

После погребального костра, когда дым от сожжённых останков поднялся к небесам, а последние молитвы были произнесены, настал черёд дележа добычи. Этот процесс, всегда вызывавший споры, на сей раз стал последней каплей. Племя, и без того натянутое как струна, вновь разделилось — только теперь уже на два стойких лагеря. Три рода, ведомые решительным Скилом, пошли за ним, надеясь на более щедрую долю и новые победы. Четыре других рода, очарованные красноречием старого Адаша, поддержали Ору, чья мудрость и дальновидность внушали доверие.

Утром следующего дня лагерь Сарматов почти наполовину опустел. Повсюду царила атмосфера неопределённости: кто-то спешно собирал вещи, кто-то угрюмо смотрел вслед уходящим, а дети с недоумением переглядывались, не понимая, почему вчерашние друзья сегодня стали чужими. В шатёр вождя Гуннов был отправлен гонец с нелицеприятным известием — весть о расколе среди Сарматов не могла остаться незамеченной.

Ответ пришёл быстро. Свиток, запечатанный красной восковой печатью с изображением волчьей головы, был вручён Оре лично. Она развернула пергамент и прочла вслух:

«Мои верные друзья, Сарматы! Мы не станем решать за ваших вождей вопрос о целостности вашего племени. Все вы поддерживаете нас по-прежнему. А значит, и задачи, поставленные перед нами, мы будем решать сообща. Да хранит нас всех Тенгри-хан!»

Прочитав ответ, Ора улыбнулась, но улыбка эта была горькой. Она повернулась к ближайшему советнику и промолвила:

— Этому хитрому лису Аттиле и Бледа даже на руку, что племя Сарматов разделилось. Так мы стали более сговорчивыми. Они прекрасно понимают: раздробленный народ легче подчинить своей воле.

Размышляя о недавних событиях на совете родов, женщина не заметила, как в её шатёр зашёл караульный. Она была погружена в мысли о будущем племени, о том, как удержать власть в условиях раскола, и о том, какие испытания ждут её впереди. Ора вздрогнула, лишь когда воин негромко кашлянул, привлекая внимание. Выйдя из оцепенения, ханша повернулась к нему и спросила:

— Что случилось?

— Пришли Волхвы. Просят вас принять их.

Чётко доложил тот. Ора сделала удивлённое выражение лица, при этом подумав:

«С чего бы это? После всего, что произошло, они вдруг решили явиться ко мне?»

Но вслух ответила коротко:

— Зови!

Через мгновение откинулись пологи шатра, и вошли старейшины. Как всегда, осторожно ступая и опираясь на длинные деревянные посохи, украшенные рунами предков, они прошли в центр помещения. Их одежды, сшитые из грубой шерсти и украшенные оберегами, шелестели

при каждом движении. Волхвы почтительно опустили головы и замерли в ожидании, словно статуи, воплощающие вековую мудрость.

— Калиопа! Подай кумыса!

Громко крикнула ханша, желая соблюсти обычай гостеприимства. Но в ответ один из Волхвов, высокий старик с седыми волосами, заплетёнными в косу, поднял руку и проговорил:

— Нет! Нет! Мы благодарны тебе за гостеприимство, наш вождь, но мы своим присутствием недолго будем отвлекать уважаемую ханшу от её важных дел.

Ора слегка приподняла бровь, но сдержала эмоции.

— Ну, что ж! Не желаете угощения, тогда поговорим о деле, которое привело вас ко мне. Я внимательно слушаю!

Вежливо вымолвила она, приготовившись слушать.

Выдержав паузу для важности, седой старейшина с длинной бородой до пояса, чьи волосы были перевиты серебряными нитями, медленно начал:

— Со времён Дитиласа, объединившего роды в единое племя, мы неотступно следовали негласному правилу — не дать разгореться пламени вражды между вождями. Мы давали им советы, исполняли обычаи и законы наших предков, хранили мир, как самое драгоценное сокровище. Оставив места, где родились и выросли поколения наших людей, мы пошли за Сарматами, куда их вёл великий Перун. Дав Великому хану слово, мы оберегали его наследника и тебя, как могли.

Он сделал глубокий вдох, и его голос зазвучал ещё тяжелее:

— Ныне же мы стали не нужны Сарматам. Мы просим простить нас, великодушная и мудрая Ора, за то, что не выполнили обещание в полной мере. За то, что оставляем тебя один на один с волком в облики человека. Но перед тем, как уйти, мы решили дать тебе последний свой совет. Быть может, он пригодится тебе на твоём трудном пути в достижении своих целей.

Старик помедлил, собираясь с мыслями, и продолжил, глядя прямо в глаза ханше:

— Сарматы — один род, одно племя! Помни это, и не разводи вождей, как диких собак на стойбище. Однажды они вцепятся в тебя и разорвут. Власть, как стрела с ядом: сначала ранит, а потом убьёт! Это всё, что мы хотели тебе сказать. Сами же возвращаемся назад, потому что хотим умереть дома, среди родных холмов, под небом, которое видели в детстве.

Старейшина замолчал и вежливо склонил голову. Его примеру последовали остальные. После чего Волхвы развернулись и вышли из шатра, не дожидаясь, что ответит им вождь племени.

Ора застыла на месте. Она не хотела их отпускать — в глубине души она понимала, что с уходом Волхвов исчезнет последняя нить, связывающая разрозненные роды. Но в то же время она осознавала, что это самый разумный шаг с их стороны в данной ситуации. Молча, с тяжёлым сердцем, она проводила их взглядом, после чего сама вышла из шатра.

День близился к вечеру. На востоке тёмные низкие облака собирались в тучи, предвещая дождь. Разнося пыль по лагерю, поднимался ветер, шевеля полы шатров и развевая волосы воинов. Погода не обещала ничего хорошего — она словно отражала внутреннее состояние племени.

Услышав шаги позади себя, ханша развернулась и увидела Адаша. Его лицо, изборождённое морщинами и шрамами, выражало беспокойство.

— По пути к тебе я встретил Волхвов! Что они сказали?

Поинтересовался он. На что Ора, взглянув ему в глаза, коротко ответила:

— Они уходят.

— От нас?

Переспросил старый воин, нахмурившись.

— От всех! Они возвращаются домой!

Пояснила вождь, и в её голосе прозвучала нотка горечи.

Адаш молча кивнул, понимая, что этот уход — ещё один знак надвигающихся перемен. Ветер усиливался, а первые капли дождя упали на землю, словно слёзы неба по уходящей эпохе.

Глава четвёртая

Неожиданный манёвр

После стремительного захвата Сирмия Аттила, вопреки ожиданиям многих вождей племён, дал своим воинам лишь две короткие недели на отдых. Этого времени едва хватило, чтобы залечить раны, подлатать доспехи и дать передышку измученным лошадям. Но уже на рассвете пятнадцатого дня прозвучали боевые рога: великий вождь объявил о продолжении похода.

Армия двинулась в новом направлении — круто на юг. Теперь путь гуннов пролегал вдоль цветущей долины Моравы, чьи плодородные земли контрастировали с суровыми степями, привычными для кочевников. Вдали, на изгибе полноводной реки Нишава, виднелась цель их похода — мощная крепость Наиса. Её мощные стены, сложенные ромеями за века, казались неприступными. Аттила доверил руководство штурмом своему родному брату Бледе, зная его решительность и опыт в осадных делах.

Гунны подошли к крепости в самый неблагоприятный момент — в разгар сезона холодных дождей. Небо висело низко, затянутое свинцовыми тучами, а река Нишава, разбухшая от осадков, несла свои бурные воды с удвоенной силой. Переправиться вплавь было невозможно — течение могло унести даже самых опытных пловцов. На это и рассчитывали защитники крепости.

Крепость располагалась на стратегически выгодном изгибе реки, что само по себе создавало естественную преграду. Через Нишаву было перекинуто всего два моста: один — на южной стороне крепости, широкий, но с крутыми спусками к воде; и другой — на юго-западной стороне, более узкий и ветхий, явно не рассчитанный на массовую переправу войск.

С высоких стен крепости защитники открыто насмехались над многочисленной армией завоевателей, столпившейся на противоположном берегу. Их насмешки доносились даже сквозь шум дождя и ветра:

— Смотрите, степные псы! Река не пустит вас к нам!

— Ваши кони утонут, прежде чем доберутся до наших мечей!

Бледа, наблюдая за этим со стороны, хмурился. Он понимал, что прямой штурм будет стоить огромных потерь. Вождь гуннов знал о давней междоусобной неприязни между сарматскими племенами, и это навело его на мысль. Он разделил сарматов и направил их к двум мостам — Ору с её воинами к южному, а Скила с его отрядом — к юго-западному.

Подготовка к штурму шла несколько дней. На вершинах холмов появились стенобитные машины — огромные сооружения с тяжёлыми брёвнами на цепях, готовые к переправе. Их грозные силуэты чётко вырисовывались на фоне хмурого неба, словно предвещая гибель крепости. Сарматы, пытаясь поднять боевой дух, воинственно выкрикивали победные возгласы, изредка направляя резвых скакунов к деревянным перекрытиям мостов. Но каждый раз, приблизившись к реке, всадники останавливались — бурлящая вода внушала страх даже самым отважным.

Ночь перед штурмом выдалась особенно тёмной и сырой. Дождь прекратился, но воздух оставался тяжёлым и влажным. Бледа, не спавший уже вторые сутки, расхаживал по своему шатру, проверяя последние приготовления. Всё было готово: воины ждали сигнала, осадные орудия стояли на позициях, а разведчики доложили, что защитники крепости, уверенные в своей безопасности, ослабили бдительность. Но судьба распорядилась иначе.

В самый глухой час ночи, когда тьма была особенно густой, ворота крепости внезапно открылись и из них вышли стройные когорты римлян. Воины двигались слаженно, прикрываясь прочными железными щитами, выстроенными в защитный строй, а потому, почти бес-

препятственно захватили оба моста. Сарматские отряды, выдвинувшиеся навстречу, не успели среагировать. Кратковременная схватка закончилась быстро: римляне, не ввязываясь в затяжное сражение, отступили, успев перед этим облить деревянные конструкции мостов мазутом и поджечь их. Пламя вспыхнуло мгновенно, пожирая дерево и превращая мосты в огненные дуги над рекой. К утру от них остались лишь обугленные обломки, медленно плывущие по течению Нишавы. Последняя надежда гуннов на удачный штурм рухнула вместе с мостами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.